Научная публикация архивных документов /
Scientific Publication of Archival Documents

https://elibrary.ru/FXEQMG
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГОВОРЕНИЯ» ЛЮДМИЛЫ ГОГОТИШВИЛИ: К ИСТОРИИ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА)

© 2023 г. С.В. Федотова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 19 марта 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 22 мая 2023 г.
Дата публикации: 25 декабря 2023 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-272-305

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 22-28-01832)

Аннотация: В статье реконструируется сюжет, связанный с неизвестной книгой Л. Гоготишвили «Феноменология говорения», подготовленной к изданию в 2009 г., но так и не вышедшей в свет. Выдвигается гипотеза, согласно которой книга преемственно развивает основную концепцию magnum opus Гоготишвили, ее единственной прижизненной монографии «Непрямое говорение» (2006), отличаясь при этом своими методологическими установками и степенью завершенности. На основе материалов из личного архива Гоготишвили проводится сопоставление истории создания, вариантов названия и структуры обеих книг, выявляются концептуальные сходства и различия между ними. Особое внимание уделяется незаконченной статье «Аналитические орнаменты символизма и символические узоры аналитизма», не вошедшей в окончательный состав второй книги. На ее примере демонстрируются внутренние противоречия между общим замыслом и его воплощением, повлиявшие, как представляется, на отказ автора от издания. Публикуется одна глава неизданной книги — о типологии символистских дискурсивных стратегий (парадигме нелинейных многослойных «поликонцепций»), в которой содержится обоснование ключевой идеи этого замысла, получившей дальнейшее развитие в позднем творчестве Гоготишвили.

Ключевые слова: Л. Гоготишвили, Вяч. Иванов, А. Белый, А. Лосев, М. Бахтин, Г. Шпет, русский символизм, философия языка, «Непрямое говорение», «Феноменология говорения», аналитизм, дискурсивные стратегии, типология, лингвофилософия.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Для цитирования: *Федотова С.В.* «Феноменология говорения» Людмилы Гоготишвили: к истории неизданной книги (по материалам личного архива) // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 272–305. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-272-305

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 4, 2023

LYUDMILA GOGOTISHVILI'S "PHENOMENOLOGY OF SPEAKING": ON THE HISTORY OF UNPUBLISHED BOOK (BASED ON PERSONAL ARCHIVE MATERIALS)

© 2023. Svetlana V. Fedotova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: March 19, 2023
Approved after reviewing: May 22, 2023
Date of publication: December 25, 2023

Acknowlegements: The study was carried out at the IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-28-01832).

Abstract: The article reconstructs the plot related to the unknown book by L. Gogotishvili "The Phenomenology of Speaking," prepared for publication in 2009, but never published. A hypothesis is put forward according to which the book successively develops the main concept of Gogotishvili's magnum opus, her only lifetime monograph "Indirect Speaking" (2006), while differing in its methodological guidelines and degree of completeness. On the basis of materials from the personal archive of Gogotishvili, the article provides with a comparison of the history of creation, variants of the title and structure of both books, and reveals conceptual similarities and differences between them. Particular attention is paid to the unfinished article "Analytical Ornaments of Symbolism and Symbolic Traceries of Analytism," which was not included in the final composition of the second book. This example demonstrates the internal contradictions between the general idea and its implementation, which apparently influenced the author's refusal to publish. The article presents one chapter of an unpublished book on the typology of symbolist discursive strategies (the paradigm of no-linear multi-layered "polyconcepts"), which contains the substantiation of the key idea of this concept, which was further developed in the late works of Gogotishvili.

Keywords: L. Gogotishvili, Vyach. Ivanov, A. Bely, A. Losev, M. Bakhtin, G. Shpet, Russian Symbolism, philosophy of language, "Indirect Speaking," "Phenomenology of Speaking," analyticism, discursive strategies, typology, linguistic philosophy.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9991-4966

E-mail: lucia-th@yandex.ru

For citation: Fedotova, S.V. "Lyudmila Gogotishvili's 'Phenomenology of Speaking': On the History of Unpublished Book (Based on Personal Archive Materials)." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 4, 2023, pp. 272–305. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-4-272-305

Библиография Людмилы Гоготишвили (1954–2018) насчитывает около ста работ по философии языка русских символистов и постсимволистов, в круг которых, согласно ее концепции, входят поэты-теоретики Вячеслав Иванов и Андрей Белый, философы-имяславцы Алексей Лосев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, а также Михаил Бахтин. Но было бы сильным преувеличением утверждать, что Гоготишвили является общепризнанным авторитетом в области изучения символизма. В большей степени она известна как истолкователь и комментатор сочинений Лосева и Бахтина, как автор отдельных аналитических статей обо всех названных философах (кроме Белого). А между тем Гоготишвили — не только интерпретатор, но и незаурядный теоретик, развивающий лингвофилософскую символистскую традицию. Другое дело, что стиль Гоготишвили непрост для восприятия, что, несомненно, препятствует вниманию широкой читательской аудитории к ее работам. Уловить ее логически закрученную, терминологически насыщенную мысль, *вбежав с мороза, раскрасневшись*, затруднительно, как, признаем, и мысль тех философов-символистов, о которых она писала до конца дней.

Тем не менее первые шаги в этом направлении уже сделаны в надежде, что *дорогу осилит идущий* [1; 2; 3; 4]. Настоящая статья движется в этом же русле. Наша цель — рассмотреть в контексте всего творчества историю создания единственной прижизненной книги Гоготишвили, ее magnum opus — «Непрямое говорение» (2006), а также реконструировать неизвестный сюжет о второй книге, напрямую связанной с первой. Актуальность этой двуединой цели не вызывает сомнений. Несмотря на то что количество ссылок на отдельные работы, вошедшие в «Непрямое говорение», в послед-

ние годы неуклонно увеличивается, книга как целое до сих пор не получила должного осмысления. Предпринимая попытку такого рода, мы опираемся прежде всего на материалы личного архива Гоготишвили. Они дают возможность проследить этапы и внутреннюю логику развития ее научного пути, что немаловажно для понимания ее лингвофилософских подходов к русскому символизму.

В самом общем виде ситуация с изданием трудов Гоготишвили выглядит следующим образом. «Непрямое говорение» включает в себя статьи 1999–2006 гг., т. е. является репрезентативным для среднего периода творчества, скорее даже для рубежа между средним и поздним, о чем будет сказано ниже. Ранние работы, написанные с конца 1980-х по середину 1990-х, разбросаны по журналам, собраниям сочинений Лосева и Бахтина и разного рода сборникам, но участь полного забвения им не грозит, так как именно на них чаще всего ссылаются исследователи русской философской мысли. Почти все, опубликованное после 2006 г., вошло в посмертный том «Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства» (2020), составленный И.Н. Фридманом. Во вступительной статье он сообщает, что в последние годы жизни Гоготишвили обдумывала возможность издания второй книги, «но это намерение не оставило сколько-нибудь отчетливых следов в ее архиве: у нас нет на руках ни авторского названия, ни оглавления, ни концептуального обоснования структуры предполагаемой книги». Составитель действовал «на свой страх и риск», стремясь издать не посмертный сборник, а именно книгу, ориентируясь на образец «Непрямого говорения» [5, с. 11].

Обследование электронного архива Гоготишвили показало, что в нем действительно нет «следов» работы над книгой в последние годы. Но нам, к счастью, удалось обнаружить целый комплекс подготовительных материалов (относящихся к 2006–2010 гг.), которые позволяют пролить свет на загадочную историю создания второй — прижизненной, но так и не увидевшей свет — монографии Гоготишвили «Феноменология говорения». На тесную взаимосвязь между двумя книгами указывают их хронологическая близость, однотипные названия, но, главным образом, содержание найденных материалов. Все эти всплывшие документы не оставляют сомнений: если бы вторая из них дошла до стадии издания, magnum opus Гоготишвили представлял бы собой двукнижие. Фактически этого не произошло. Но вот

вопрос: почему? Не претендуя на однозначный ответ, попытаемся хотя бы в общих чертах представить себе логику автора, опираясь на архивные свидетельства[1]. Наша исходная гипотеза проста: вторая книга, развивая основную концепцию первой, выдвигает новый методологический ракурс и новую проблематику, однако автор, по-видимому, остался не вполне удовлетворен полученным результатом. По крайней мере к такому выводу склоняет изучение истории создания, вариантов названия и структуры, а главное — концептуального сходства и различия между двумя монографиями.

Сразу оговорим, что обращение к личному электронному архиву влечет за собой много текстологических проблем, на сегодня далеких от разрешения. В этой ситуации названия файлов / папок и их датировка выступают для нас аналогом классических архивных источников, но ссылаться на них приходится без стандартной унификации. Среди них немало документов отчетно-планового характера, в том числе по проектам РГНФ, в которых Гоготишвили принимала или собиралась принимать участие. При почти полном отсутствии биографических данных, они помогают сориентироваться в ее творческих начинаниях, проследить развитие ее научных интересов: формально, как и у многих сейчас, они оказываются связаны с проектной деятельностью. Сказанное вовсе не означает, что лингвофилософские концепции Гоготишвили разрабатывались от случая к случаю, исключительно из прагматических соображений. Нет, ровно наоборот. Проходных тем у нее не было. Она всю жизнь занималась философией языка русского символизма, не стесняясь оставаться по-старомодному принципиальным, системно и вместе с тем оригинально мыслящим ученым, никогда не терявшим лица.

На пути к «Непрямому говорению»

В кратком предисловии к книге «Непрямое говорение» Гоготишвили подчеркнула несколько важных моментов, объясняющих ее структуру, концептуальную новизну, терминологические сдвиги в работах разных лет и содержательную взаимосвязь магистральной темы со статьями 1980-х гг. Последнее замечание, понятное для автора, не вполне прозрачно для читателя. В самом деле, отсылка к работам 1980-х постулирует единство лингвофилософской мысли Гоготишвили на протяжении многих лет, начиная с само-

1 Пользуясь случаем, благодарю И.Н. Фридмана за предоставленный доступ к архиву и разрешение публиковать новонайденные материалы.

го раннего, скажем так, «предрассветного» (*ante lucem*) периода ее научной биографии, мало кому известного. Парадоксально, что при этом пропускается первый этап ее творчества, 1990-е гг., когда она заняла одну из ведущих позиций среди исследователей и комментаторов Лосева и Бахтина.

Отсюда следует, что для понимания «Непрямого говорения» решающее значение имеет тот факт, что Гоготишвили начинала как лингвист-теоретик: в 1984 г. в МГУ она защитила кандидатскую диссертацию «Опыт построения теории употребления языка (на основе общефилологической концепции М.М. Бахтина)» по специальности «Общее языкознание». С ней напрямую связаны статьи 1980-х гг., сегодня почти полностью забытые, в которых металингвистические идеи Бахтина о диалогической природе любого высказывания «переводятся» на язык современной лингвистики[2]. В этих работах уже видны отличительные черты научного стиля Гоготишвили: пристрастие к методам логической реконструкции и интерпретации лингвофилософских концепций в контексте остродискуссионных проблем теоретической лингвистики XX в., склонность к типологизации и классификации, смелое терминологическое новаторство. Так, например, для обоснования бахтинской идеи диалогичности речи она вводит понятия *речевых центров* и *частных источников смысла,* выстраивает их типологию. Именно к этой понятийной номенклатуре Гоготишвили вернется в теоретическом трактате «К феноменологии непрямого говорения», вошедшем в состав прижизненной книги. Само ее название — бахтинское по происхождению, равно как и устойчивый интерес к динамическим аспектам мысли и речи, к феномену «непрямого говорения», который Гоготишвили изначально понимала вполне по Бахтину. В диссертации она цитирует известное высказывание философа о непрямом говорении как принципе «двойной мысли»: «одна мысль — явная, определяющая с о д е р ж а н и е речи, другая — скрытая, но тем не менее определяющая п о с т р о е н и е речи, бросающая на него свою тень» [6, т. 2, с. 150]. Одна выражена лексико-семантически, другая семантически не явлена, но именно она подразумевает подлинный предмет высказывания, его смысл или коммуникативный замысел.

2 Имеются в виду две рукописи («О соотношении единиц языка и речи» и «О категориях стилистики»), депонированные в ИНИОН, и две опубликованные в сборниках статьи, где они и затерялись: [18; 19].

Если же обратиться к собственно первому этапу, через который Гоготишвили сознательно «перепрыгивает» в преамбуле к «Непрямому говорению», то можно заметить, что за исключением отдельных статей, посвященных Бахтину и развивающих диссертационные положения [7; 8], чисто лингвистическая проблематика здесь отходит на периферию. В центре интересов Гоготишвили теперь общефилософское значение наследия Лосева, религиозно-философский статус языка у имяславцев и коммуникативная версия имяславия (исихазма) [16; 9]. Большое внимание она уделяет рассмотрению мировоззренческих и прямо конфессиональных вопросов, касающихся соотношения языческого платонизма и православного энергетизма (паламизма), монизма, дуализма, пантеизма в имяславии и софиологии Вл. Соловьева и его последователей, прежде всего, разумеется, Лосева [15]. В это время уже намечаются попытки концептуального сближения лосевской и бахтинской философии языка, традиционно противопоставляемых. Они ведутся по линиям христианского персонализма, платонической традиции, теории авторства [13], коммуникативной прагматики, общего интеллектуального контекста творчества. Чуть позже мы вернемся к этой теме.

Сейчас лишь зафиксируем, что на первом этапе Гоготишвили только начинает выстраивать концепцию символистской парадигмы языка, делая упор на ее ключевых проблемно-тематических (содержательных) аспектах. Высокая оценка поэта и теоретика символизма Вячеслава Иванова со стороны Лосева и Бахтина, открыто признававших его своим учителем, имеется в виду, но не более того: Иванов упоминается в работах этих лет в фоновом режиме. По-видимому, к этому моменту у Гоготишвили еще не сложилась концепция философии языка символизма, которая обосновывала бы генетическое родство символистских теорий Иванова, философии имени Лосева и диалогизма Бахтина, несмотря на все их очевидные различия.

На втором этапе это становится для Гоготишвили главной задачей, поэтому она решительно меняет ракурс рассмотрения с общефилософского на лингвистический. Такой угол зрения целенаправленно редуцирует содержательно-тематические (религиозно-мифологические) установки символистов и заостряет внимание на логико-лингвистическом анализе их учений о языке. Нижнюю границу этого короткого периода мы устанавли-

ваем по выходу в свет «Лингвистического аспекта трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский)» (1997) [11], верхнюю — по программной статье «Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)» (2004) [17], которая подытоживает средний и обосновывает переход к следующему — феноменологическому — этапу. По черновым материалам из личного архива исследовательницы, впрочем, понятно, что последняя работа была начата на следующий год после появления в 1999 г. двух принципиально важных статей «Лосевская концепция предикативности» [12] и «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)» [14, с. 15–103], а также доклада Гоготишвили «Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией»[3]. Сюда же относится «Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова» (2002), сильно переработанный вариант «Между именем и предикатом…», предназначенный для публичного выступления[4]. В итоге сложился цикл работ, объединенных предикативной концепцией символа (имени) и мифа у Иванова, Лосева, Булгакова, Флоренского, а также двуголосого слова и полифонии у Бахтина, которая впервые сводит всех *героев* Гоготишвили в одном концептуальном поле символизма, рассмотренном сквозь призму лингвистической аналитики (а именно, субъект-предикатного строения суждений). Не задерживаясь на характеристике этого цикла и его полемической заостренности против распространенных трактовок категории имени у философов-имяславцев и ивановской теории символа, о чем нам уже приходилось говорить детально [4], перейдем сразу к интересующему нас вопросу. Как работы этого периода встроились в первый издательский проект Гоготишвили?

На основании архивных документов понятно, что осенью 2001 г. Людмила Гоготишвили собиралась подать заявку в РГНФ на издание монографии, заглавие которой было выбрано не сразу. Из первоначальных вариантов («Философия языка русских символистов», «Философия языка русского символизма», «Символическая философия языка», «Русский символизм (лингвофилософский аспект)») автор остановился на первом. Планировалось, что книга будет включать: «именные» разделы (очерки

3 Доклад на международной бахтинской конференции в Индианском университете в США (одноименная статья впервые опубликована в 2004 г., см.: [14, с. 139–219]).

4 Доклад был прочитан на VIII Международной конференции «Вяч. Иванов: между Св. Писанием и поэзией» осенью 2001 г. в Риме, см.: [14, с. 103–138].

лингвофилософских взглядов Вяч. Иванова, А. Белого[5], А. Лосева, М. Бахтина), а также разделы, посвященные внутренним дискуссиям в символизме; соотношению русского символизма с феноменологией и неокантианством; рецепции идей символизма в философии и филологии 1950–1990 гг.; гипотетической реконструкции инвариантной основы разных символистских версий философии языка. Ядро проектируемой книги, вне всякого сомнения, состояло из статей лингвистического («предикативного») периода. Все базовые понятия, определяющие их концептуальное своеобразие, вошли в состав ключевых слов проекта: «русский символизм, лингвофилософский аспект, особенности референции и предикации, синтаксическая структура символического дискурса, мифологизм, антиномизм, двуголосие». Однако судьба этой заявки, что называется, покрыта мраком неизвестности: то ли она не была поддержана, то ли вообще не подавалась. В любом случае в архиве отсутствуют отчетные материалы перед Фондом. Не появилась в намеченные сроки и сама монография.

Следующая попытка издать книгу оказалась более успешной. В 2005 г. проект по изданию «монографического сборника» «Философские проекции символизма (Вяч. Иванов. А. Лосев. М. Бахтин)» был поддержан. В архиве сохранился черновой набросок заявки от 25.09.2004, с несколько иным, но довольно близким названием «Лингвофилософские проекции символизма (Вяч. Иванов. А. Лосев. М. Бахтин)» и приблизительным объемом («40 а. л. или 35?»). Из текста аннотации следует, что по сравнению с предыдущим вариантом в содержании сборника произошли определенные изменения, а именно сократилось количество разделов: из «именных» была снята часть о Белом, из теоретико-дискуссионных — все, за исключением последнего. Несмотря на то, что он по-прежнему оставался неозаглавленным, ясно, что инвариантная основа различных версий философии языка теперь мыслилась не в лингвистическом, а в феноменологическом ключе — как «трехаспектное соотношение между актами и смысловыми структурами сознания, актами и синтаксическими структурами языка, а также подразумеваемыми в каждом случае объектами и способами референции». Это изменение подтверждается двумя промежуточными заголовками книги, ко-

5 Как уже отмечалось, отдельной статьи о Белом Гоготишвили не написала. Наиболее развернутые высказывания о нем содержатся в статье «Между именем и предикатом...» [14, с. 41–45], а также в тексте, впервые публикуемом ниже.

торые встречаются в индивидуальных планах на 2005 г. по месту основной работы Гоготишвили в Институте философии РАН: «Интенциональные и языковые акты сознания» (50 а. л.) и «Символизм и феноменология языка» (50 а. л., издательство «Языки славянской культуры»). И только в итоговом годовом отчете находим, наконец, искомую информацию о том, что «продолжалась работа над монографией "Непрямое говорение": велась подготовка заключительного раздела "Фрагменты феноменологии непрямого говорения"».

Нельзя не заметить, что состав сборника и его окончательное название утвердились далеко не сразу. Так, в подробном плане книги, написанном в начале июня 2005 г., фигурирует первый вариант заглавия («Лингвофилософские проекции символизма...»), структура остается той же, но состав статей (с указанием листажа) значительно отличается от канонического. Здесь те же «именные» блоки: «Вяч. Иванов», «А. Лосев» и «М. Бахтин» (в совокупности — «42 п. л.»), а также пока безымянная «заключительная статья» («около 8 п. л.»). Первый раздел остался без изменений (две работы об Иванове). Во втором планировались три — «Лингвистический аспект трех версий имяславия...», «Лосевская концепция предикативности» и «Реконструкция радикального лингвофилософского проекта А.Ф. Лосева», опубликованная на английском языке в 2004 г. [23]. В книгу включена только последняя, в переработанном и увеличенном по объему (на 3 п. л.) виде, с другим названием — «Эйдетический язык (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева)»: она была завершена в 2006 г. и впервые напечатана в «Непрямом говорении» [14, с. 220–415]. Третий раздел обещал быть самым широким по тематике и хронологии. Здесь предполагались две ранние статьи о Бахтине 1992 г. [7; 8], «Двуголосие в его соотношении с монологизмом и полифонией», а также «Лингвофилософские взгляды М. Бахтина в восприятии филологических наук 60–70-х гг. (К истории гуманитарных идей в России XX века)» и «Ранний Бахтин на фоне феноменологии, философии жизни и символизма», отмеченные как «Новое»[6]. В книге осталась только третья

6 Статей с таким названием не выявлено. Очевидно, имелись в виду аналитические преамбулы к бахтинским текстам «Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов» [6, т. 6, с. 533–701] и «К философии поступка» [6, т. 1, с. 351–424], опубликованные в собрании сочинений философа в 2002–2003 гг.

из перечисленных. При этом она поменялась местами с «лосевской», что согласуется с заявленным автором композиционным принципом: все статьи сборника расположены в порядке их появления. Соответственно, теоретическая работа «К феноменологии непрямого говорения» [14, с. 416–712], которая спешно дописывалась, судя по всему, во второй половине 2005 г. и даже позже, до самого последнего момента, и прямо «с колес» отправилась в издательство[7], завершает книгу «торжественной кодой», если воспользоваться выразительной метафорой И.Н. Фридмана [5, с. 12]. Непредвиденное увеличение (почти в два с половиной раза) объема «заключительной статьи» потребовало сокращения «именных» разделов. А концептуальная новизна выдвинула ее на ключевое место и придала ей, как подчеркивает автор, «обобщающий, экстраполирующий и развивающий тему характер», акцентируя единый — феноменологический — ракурс описания философии языка русского символизма [14, с. 13].

История создания magnum opus Гоготишвили подтверждает замечание автора о «частичных терминологических смещениях» в работах разных лет, которые объединяются «уточняющейся, развивающейся и далекой от завершения» идеей непрямого говорения. Хронологический принцип композиции сборника демонстрирует со всей наглядностью поворот в методологических подходах Гоготишвили к символистским теориям языка и порубежный характер книги в целом. «Ивановские» и «бахтинская» статьи относятся ко второму — лингвистическому — этапу ее творчества, «лосевская» и заключительная — к следующему, феноменологическому. В первых трех господствует предикативная интерпретация символа и мифа у Иванова, двуголосия и полифонии у Бахтина, в четвертой — лосевская концепция предикативности уже модифицирована в феноменологическую трактовку «эйдетического языка». А в пятой — все они выступают разновидностями феноменологии непрямого говорения, лингвистические дефиниции из ивановских и бахтинской статей при этом трансформируются в феноменологические. Преемственность двух подходов, последовательно сменивших друг

7 Определить точное начало работы над заключительным трактатом затруднительно, но последнее сохранение файлов, содержащих его главы и экскурсы, приходится на март – апрель 2006 г. С учетом того, что издательский проект был рассчитан на один год, по грантовским обязательствам это был предельный срок издания книги. Между тем она подписана в печать 29.09.2006. По-видимому, издательский процесс затянулся из-за состояния здоровья Гоготишвили: в том же году она перенесла первую онкологическую операцию.

друга, среди прочего, объясняется (с использованием узнаваемых ивановских словечек) тем, что для Гуссерля «предикат всегда есть то, *что* или *как* говорится, а не то, *о чем* говорится». «Прототип предикативного акта» во всех «персональных» статьях, согласно Гоготишвили, «один и тот же — *феноменологический*» [14, с. 519–520].

Не беремся сейчас за сколько-нибудь серьезный анализ работы «К феноменологии непрямого говорения», заострим лишь внимание на ее несомненно прорывном характере и грандиозности замысла. Классифицировать многообразные явления, распределенные по разным направлениям гуманитарной мысли XX в. (филологии, лингвистики и философии), которые разрабатывают проблемы непрямого (небуквального) смысла речевых высказываний; «выстроить лабиринт из понятий и терминов, стены которого хотя бы осязаемо для ума оградили пространство протекания непрямого смысла и наметили его излюбленные маршруты» [14, с. 416], — такова была дедалова цель Гоготишвили, задумавшей осуществить «перевод» наличного терминологического инструментария на язык феноменологии Гуссерля (эйдосы, ноэмы / ноэсы, интенции, акты сознания, эгология и др.). Первоначальная задача заключительной статьи — концептуально связать в едином феноменологическом ракурсе концепции Вяч. Иванова, Бахтина и Лосева — переросла, таким образом, в разработку теоретической модели феномена непрямого говорения, в рамках которой «механизмы» философии языка русских символистов выступали показательными, но все же частными случаями.

Однако сжатые сроки написания сказались на определенной аналитической этюдности этой работы. На первый взгляд, оглавление поражает детально выстроенной логикой в духе схоластического трактата (4 главы, в каждой — от 3 до 5 разделов, разбитых на параграфы со сквозной нумерацией, всего их 117; плюс 6 экскурсов в Приложении). Вместе с тем вся эта тщательно продуманная партитура дробит текст на небольшие по объему части (от 1–2 страниц до 1–2 абзацев). Во многих из них только намечается определенная тема или проблема, но ее решение откладывается на потом. Сама Гоготишвили хорошо понимала, что ее концепция носит «гипотетический, поисковый и предварительный характер с расчетом на раскрытие возможных перспектив темы в будущем» [14, с. 14]. Показательна в этом отношении и мимоходом брошенная фраза о том, что автор говорит «здесь

без всякой настойчивости, больше в целях накопления “смысловой руды”» [14, с. 559]. Таким образом, первоначальное название заключительного раздела монографии — «Фрагменты феноменологии непрямого говорения» — не случайно, как и замена в окончательном варианте первого слова на синонимичный предлог «к».

Неизданная книга «Феноменология говорения»

Уже в мае 2006 г., за полгода до выхода в свет «Непрямого говорения», Людмила Гоготишвили набрасывает черновой вариант заявки на фундаментальное исследование в РГНФ (2007–2009). Целью нового проекта стала разработка версии «феноменологии говорения» на основе отечественной гуманитарной мысли первой половины XX в., а его основным результатом — написание монографии «К феноменологии говорения» (25–27 а. л.). В сентябре заявка отправляется на конкурс с уточненным названием — «Феноменология говорения», и в начале следующего года ее поддерживают. Благодаря этому счастливому обстоятельству в архиве Гоготишвили сохранилось много материалов, документирующих это начинание. Среди них особый интерес представляют три папки: «Состав ФГ», «Печатать Состав ФГ», «Отпечатанная книга ФГ». Содержащиеся в них файлы не оставляют сомнений в том, что монография была написана в запланированном объеме и представлена в Фонд в виде рукописи, подготовленной к изданию. Это фактическая сторона дела. Посмотрим теперь, как шла подготовка книги с точки зрения содержания.

Начнем с конкурсной заявки. Она дает представление о том, что сначала Гоготишвили планировала развивать и корректировать основные положения, разработанные или только пунктирно намеченные раньше. Так, она предполагала выявлять и типологизировать состав идей, явлений и разновидностей языковых процессов и механизмов, связанных с феноменологией говорения; расширять их номенклатуру и уточнять их классификацию в феноменологическом ракурсе. Решение этих задач, подчеркивала Гоготишвили, было начато в работе «К феноменологии непрямого говорения», но проведено там «в предварительном, фрагментарном и несистематическом, виде». Заявляла она также о расширении материала исследования: помимо подробно изученных языковых концепций Вяч. Иванова, А. Лосева, М. Бахтина и частично рассмотренных лингвистических воззрений

А. Белого, П. Флоренского, С. Булгакова, Г. Шпета, Ю. Лотмана, Б. Успенского и других, планировалось проанализировать с точки зрения феноменологии говорения концепции А. Мейера, О. Мандельштама, В. Хлебникова, С. Эйзенштейна, Ж. Делёза, Ж. Лакана, Э. Левинаса и др. Отметим, что все перечисленные фамилии, за исключением Мейера и Хлебникова, уже встречались в последней работе «Непрямого говорения», правда, бегло, в примечаниях. К примеру, если Эйзенштейн раньше упоминался мельком, то теперь на первый план выдвигалось сопоставление форм прямого и непрямого говорения с приемами киноязыка. Словом, проект был теснейшим образом связан с первой книгой и задумывался как концептуальная шлифовка ее заключительного трактата, с расширением анализируемых теорий и практик.

Вместе с тем появляется и новая задача: не только разработать целостную, «а по некоторым параметрам, — подчеркивает Гоготишвили, — оригинальную, версию феноменологии непрямого говорения, но через нее (поскольку понятие “непрямого говорения” концептуально связано с “прямым говорением”)» обосновать версию феноменологии говорения в целом. Парадоксально, что при этом Гоготишвили по-прежнему, вслед за Гуссерлем и Лосевым, отстаивала тезис о принципиально неизоморфно-коррелятивной (т. е. непрямой) воплощаемости смысла в естественном языке. Прямое говорение, следовательно, сразу понималось как проблема. Обращает на себя внимание также новая установка автора на «согласительный синтез» между феноменологическими и нефеноменологическими областями знания (аналитической философией, когнитивной лингвистикой, поэтикой). Этот синтез мыслился двояким образом: как предмет изучения и как метод его адекватного исследования. В первом случае имелись в виду «интеллектуальные техники» русского символизма, их обусловленность философским контекстом эпохи (феноменологией и неокантианством). Во втором — разработка методологии, пограничной между аналитической лингвистикой и феноменологией сознания. Подчеркнем, Гоготишвили делала заявку на разработку нового направления в гуманитарной науке — феноменологии говорения как фрагмента общей феноменологии языка. Проблемное поле ее исследования входит в общеевропейское течение научной мысли, освещающей сложные вопросы о соотношении смысла, сознания, языка и речи (М. Мерло-Понти, П. Рикёр, У. Чейф, Дж. Серл, Дж. Остин,

Р. Рорти, В. Шмид и др.). Как и в предшествующей работе, Гоготишвили намеревалась связать в единую картину достижения научной мысли в сфере теории речевых актов, аналитической философии, теории порождающих грамматик, семантики, когнитивной лингвистики, структурализма, психоаналитики, нарратологии, тропологии, неориторики, социолингвистики, психолингвистики. Такой синтезирующий подход, считала она, способен оказать стимулирующее воздействие на разрешение дискуссионных проблем феноменологии языка. Но «изюминкой» этого замысла по-прежнему оставалась идея о том, что весомое слово в этих теоретических дискуссиях должно принадлежать лингвофилософским концепциям русского символизма. Их инновационный характер, по убеждению Гоготишвили, не опознан наукой в силу религиозно-мифологической аранжировки символистского дискурса.

Однако ход работы над монографией демонстрирует, что первоначальные планы довольно быстро изменились. Сначала Гоготишвили шла по намеченному пути, развивая основные положения «К феноменологии непрямого говорения», но затем она свернула с проторенной дороги на новую стезю. Во вступительном разделе книги, «Ключевые проблемы феноменологии говорения (в порядке общей рекогносцировки)», этот методологический поворот обоснован следующим образом. Главным радикальным обновлением исследования по сравнению с предшествующими работами, утверждает Гоготишвили, «стало введение проблемы *текстопорождающих принципов,* или *дискурсивных стратегий*. Эта тема осознана здесь как образующая сердцевину феноменологии говорения, которая ведь фактически и является теорией *именно текстопорождения* (или порождения речи)». В новом ракурсе из намеченного ранее спектра вопросов выделились два основных аспекта, связанные с дискурсивными стратегиями, — *концепт подразумевания (вариант «непрямого говорения»)* и *теория имманентной интерсубъективности языкового «Я»*. Три этих тематических блока, согласно вступительной статье, определяют структуру и смысловой сюжет монографии. В окончательном варианте она получила уточняющий подзаголовок: «Феноменология говорения: к типологии дискурсивных стратегий».

Тем не менее постулируемая во вступлении логика книги носит скорее идеальный, чем реальный характер. К такому выводу можно прийти, внимательно рассмотрев структуру и содержание статей, вошедших в ее

состав. Всего их пятнадцать. Они находятся в папке «Отпечатанная книга ФГ», в отдельных файлах со сквозной нумерацией (для наглядности мы указываем номера). На основании этого материала можно заметить следующее. Помимо вводной работы (1), по-видимому, планировалось, что все разделы книги будут двухчастными: сначала глава с теоретическим обоснованием темы, затем ее разработка на примере конкретных авторов (т. е. «именные» статьи, написанные в рамках проекта). Однако такой принцип выдержан не везде. К теоретической главке (2) «Концепт “подразумевания” и некоторые проблемные зоны вокруг него» относятся две «прикладные» работы: (3) «От подразумеваемой предметности к подразумеваемым смыслам (мотивация “оязыковления” феноменологии ранним Г. Шпетом)», 2009 [10, с. 151–165][8] и (4) «Ожидаемые расхождения и неожиданные сходства в толковании “подразумеваемых смыслов” (Шпет и Бахтин)», 2008 [10, с. 166–178]. Концептуальная главка (5) «Вокруг идеи “имманентной интерсубъективности языкового Я”» одночастная. Теоретическая статья (6) «Точки говорения: компонентное расширение и типологическая классификация», во многом повторяющая положения «К феноменологии непрямого говорения», «провисает» между тремя заявленными тематическими блоками, но ее поддерживает статья (7) «Многослойность подразумеваемых смыслов и предмет как точка говорения (версия А. Лосева)», 2008 [10, с. 35–69]. Наиболее основательно разработана часть о дискурсивных стратегиях: кроме общетеоретической работы (8) «К типологии дискурсивных стратегий: парадигма нелинейных многослойных “поликонцепций”», впервые публикуемой ниже, здесь собраны четыре новые статьи: (9) «“Круглое изложение” П. Флоренского как основа дискурсивной стратегии дефокализованной полициклии», 2010 [10, с. 135–150], (10) «“Позиционная политропия” как текстопорождающий принцип (интерпретация лосевской тропологической теории)», 2010 [10, с. 247–260], (11) «Идея внутренней формы как алгоритма (к дискурсивной стратегии позднего Г. Шпета)», 2010 [10, с. 383–400], (13) «Коммуникативный полиролизм и полифония (дискурсивные стратегии В. Библера и М. Бахтина)», 2009 [10, с. 502–553], а также относительно давняя преамбула к ранней бахтинской работе «К философии

8 Мы указываем год первой публикации и ссылку на источник по посмертному изданию, где дается текстологическая справка к каждой статье, не отмечая при этом незначительные отличия в формулировках названий.

поступка» (см. примеч. 6), включенная под другим заголовком (12) «Абсолютное самоисключение автора (к концептуальной основе полифонической дискурсивной стратегии М. Бахтина)». Последние два раздела также одночастны. Эти статьи (14–15) хотя и носят отвлеченно-теоретические названия («Смысловые эффекты при смене языковой модальности в языке», 2012 [10, с. 106–134] и «Вольные вариации на тему “смысл, язык, импрессия и экспрессия”»), фактически также посвящены Бахтину, нарушая тем самым композиционный принцип книги. Заметно, что с точки зрения логики развития сюжета выделяются не три заявленных тематических линии, а шесть (2, 5, 6, 8, 14, 15). Абсолютно новой и приоритетной оказалась тема дискурсивных стратегий, все остальные так или иначе разрабатывались раньше. Иными словами, можно утверждать, что во время работы над проектом (2007–2009) в лингвофилософии Гоготишвили произошел «дискурсивный поворот», который стал определяющим для ее позднего творчества. Большая часть статей, собранных в посмертном издании, изначально входила в состав второй книги.

Возвращаясь к вопросу о том, почему она так и не вышла в свет, теперь, после рассмотрения истории ее создания, можно подтвердить высказанную выше гипотезу. «Феноменология говорения», задуманная как продолжение «Непрямого говорения», на полпути переросла первоначальный замысел. В силу того, что задачи, поставленные в начале и появившиеся по ходу дела, были в какой-то мере разнонаправленны, книга оказалась несколько расфокусированной. Гоготишвили не могла не понимать, что, с одной стороны, она делала упор на типологию и классификацию, с другой — для нее, по всей видимости, далеко не решенными оставались сами принципы, фундирующие изучаемые явления. Речь идет не только о дискурсивных стратегиях, вдруг появившихся на авансцене исследования, но и о постоянно стоящем в центре ее внимания соотношении феноменологии и аналитики — как в составе идей русских символистов, так и в собственной методологии. Далеко не случайна ее нацеленность на «согласительный синтез», о котором упоминалось выше.

Значит ли все изложенное, что Гоготишвили, выполнив обязательства перед Фондом и отправив в качестве отчета рукопись научного труда, не собиралась его издавать? Нет, это явно не так. Показателен финал вводной главки, где открыто признается, что не все цели были достигнуты,

а следовательно, не были получены достаточные основания для обобщающих выводов. Но по большому счету, вскользь замечает Гоготишвили, такая цель и не ставилась, поскольку «сами параметры возможных обобщений в феноменологии говорения остаются не вполне ясными». Заключительный абзац все же отражает установку на издание монографии в обозримом будущем: «Автор предлагает вниманию читателя эту книгу в надежде, что дорогу, действительно, осилит идущий и что каждый пройденный участок пути имеет свой смысл и значимость».

Очень может быть, что Гоготишвили хотела подать заявку на издательский грант в следующем году. В папке «Печатать Состав ФГ» большинство текстов редактировалось в августе – начале сентября 2010 г., тогда же появилось три добавления: «16. Новое о когнитологии и феноменологии», «17. Забытое. Лосев. Бахтин. Аналитика», «18. Дуализм. Новая статья». Обновление состава книги именно в это время связано, вероятно, с тем, что Гоготишвили ориентировалась на стандартную дату завершения приема конкурсных заявок — 30 сентября. Однако никаких следов оформления проектной документации ни в этом году, ни в последующих в архиве не обнаружено.

Нельзя не остановиться на чрезвычайно интересном файле 17. В нем содержится незаконченный, довольно большой по объему текст (около 1,7 п. л.), написанный, судя по всему, в самом начале работы над второй книгой. У него имеется три разновременных заголовка: «Основная мысль», «Аналитические орнаменты символизма и символические узоры аналитизма» и «Полиролизм, полиформия, полифония (Шпет, Лосев, Бахтин)». Первый имеет «рабочий» характер и относится к самому раннему этапу создания текста. К этому заголовку дается любопытное примечание: «Возможно, брак философии и филологии и свершился, но по большому счету он остается бездетным. У обоих супругов есть дети на стороне (в родных селеньях), между собой они говорят на разных языках и в порожденных результатах продолжается доминирование то одного, то другого. Наивно выглядят как выходы филологии в область рассуждений о мире, бытии и смысле, так и вылазки философии в анализ тонкостей языковых форм». В этих рассуждениях, отдаленно напоминающих «О бракосочетании» Марциана, звучит, как кажется, не только проблема разработки метода, адекватного символистской философии языка, т. е. метода, неизбежно пограничного

между лингвистикой и философией. Здесь слышится и очень личная нота: констатация неудачности «брака» выглядит как рефлексия Гоготишвили о собственном научном пути между лингвистической аналитикой и феноменологией, как понимание своего научного одиночества (философы не знают лингвистики, лингвисты далеки от философии). Отсюда попытки идентифицировать собственный метод с когнитивной лингвистикой, которая, с точки зрения Гоготишвили, успешнее всего может соединиться с феноменологией сознания. Этой проблеме посвящен, кстати говоря, набросок в файле 16, где нащупываются точки пересечения между когнитивистикой и феноменологией говорения.

В соответствии с примечанием о «браке» в «Основной идее» Гоготишвили намечала две задачи: «осуществить перевод лосевской концепции на язык согласительных когитологических теорий» и «связать *особенное* лосевское с *особенным* Бахтина, Шпета, Вяч. Иванова и др., которые также представляются предтечами когитологии (разумеется, не только)». Мысль автора, тем не менее, пошла не в сторону собственно когнитологии, а в сторону сопоставления языковых идей Лосева с аналитической философией. Гоготишвили пишет о том, что «редукция лосевской идеи эйдетического языка может быть одним из компонентов того, что сегодня является искомым в аналитических типах теории дискурса». В таком же ключе проводится весьма нетривиальная аналогия между «неотмысливаемой мифологической установкой» Лосева, а также всей русской философией языка (Вяч. Иванова, Бахтина, Шпета, Мандельштама) и аналитикой. Под аналитикой имеется в виду, цитируем, «*радикальный конвенционализм* Айдукевича (утверждающего, что предложения наблюдения зависят от принятого конвенционально “концептуального каркаса” и, следовательно, не образуют “теоретически нейтрального” эмпирического базиса), расселовская *пропозициональная установка* как психологическая предрасположенность субъекта к определенному видению объекта, *теория интерпретации* Дэвидсона, в которой раскрывается связь семантического значения предложений с индивидуальными и социальными структурами убеждений, верований, желаний, намерений и пр.». Намеченные здесь параллели не получили дальнейшего развития в творчестве Гоготишвили.

Однако начатый сюжет о плодотворности и «взаимовыгодности» сопряжения аналитики и символистских версий философии языка показался

ей перспективным, когда «забытая» «Основная мысль» попалась на глаза. На это указывает помета перед текстом: «Может, это сделать статьей, может, в книгу? Но обязательно использовать». Очевидно, тогда же появился второй заголовок, «Аналитические орнаменты символизма и символические узоры аналитизма». Нетипичный для Гоготишвили в силу своей риторической (хиастической) изощренности (наподобие ивановского: *ложь истины твоей змеиной иль истина змеиной лжи*), графически он оформлен как название статьи, к нему же добавлен эпиграф из «Разговора о Данте» Мандельштама: *Орнамент строфичен. / Узор строчковат.* Помимо нового заголовочного комплекса, в тексте видны следы правки: в режиме редактирования Гоготишвили вносит комментирующие реплики, ставит вопросы, отвечает, спорит сама с собой, что придает этому черновому материалу удивительную живость. Впрочем, дальше Гоготишвили не пошла, задуманной статьи не написала, идею сопряжения аналитизма и символизма, в отличие от феноменологии и символизма, в дальнейшем проводить не стала. Судьба третьего заголовка еще более эфемерна, так как в обсуждаемом тексте о Шпете почти ничего не сказано. Но благодаря названиям «поликонцепций», играющих стержневую роль в центральном разделе неизданной книги о дискурсивных стратегиях, можно понять, что это самая поздняя попытка превратить «заготовку» в отдельную статью, оставшаяся также неосуществленной.

Думается, что файл 17, при всей его теоретической многовекторности и незавершенности, можно воспринимать как прототекст, в котором начали оформляться основные идеи, связанные с «дискурсивным поворотом». Тут намечаются заходы к «аналитическим теориям дискурса»; символистским «поликонцепциям», акцентировавшим «дискурсивный (динамический, связный, основанный на стратегии действий) аспект языка»; «лосевской интерпретации дискурсивного значения тропов и фигур речи»; «političтерминам» и др. А главное — тут Гоготишвили нащупывает решение проблемы прямого (адекватного) говорения. «Презумпция возможности реальной адеквации ощутима у Лосева (как и у Бахтина) только в религиозном мистическом общении, т. е. в той сфере, которая обоими принципиально выводилась за пределы естественного языка», — пишет она. Дискурсивные стратегии символистов, по определению «непрямо говорящих», в таком ключе оказываются телеологически нацеленными на «поиск некой идеаль-

ной формы», «адекватного выражения (а не слияния!)» смысла в языке, что привело бы и к возможности символизации трансцендентности. «Но разве не тот же стимул движет аналитической философией? — задается вопросом Гоготишвили. — Аналитика счищает с языка разного рода неадекватные с ее точки зрения напластования, вроде экспрессии, особенностей ситуации, т. е. стремится сблизить язык с логикой, безотносительной к ситуации общения и к особенностям общающихся». Аналитическая философия, с этой точки зрения, ищет такой же идеальной (прямой) формы, что и символисты. Различия между ними заключаются в религиозной установке последних, которая продуцирует многослойность смысла и соотносимые с ней нелинейные «поликонцепции» текстопорождения, или дискурсивные стратегии.

Многие идеи этой «заготовки» разойдутся по отдельным статьям, подготовленным в рамках проекта. Но, помимо этого, в ней впервые предпринято развернутое сопоставление мифологичности и символизма Лосева с диалогизмом и полифонией Бахтина. Начатое, как мы помним, еще в 1990-е, оно приобрело здесь отчетливую концептуальную структуру. Позднее она ляжет в основу важнейшей работы Гоготишвили «Вклад постсимволистов Лосева и Бахтина в теорию построения дискурса (принципиальные различия на фоне фундаментального сходства)» (2014) [10, с. 431–450], которая, по существу, подводит итог ее многолетним реконструкциям и интерпретациям символистской парадигмы философии языка. В известном смысле «забытая» автором статья «Аналитические орнаменты символизма...», с избытком насыщенная концептуальными положениями и впервые найденными понятиями, ключевыми для «Феноменологии говорения», разделила ее участь. Заряженные смелым интеллектуальным импульсом, они остались недовоплощенными в силу нерешенных противоречий между их первоначальным замыслом и новыми идеями, открывающими иные горизонты.

Мы публикуем самую важную теоретическую главку из неизданной книги. Ее начальный и финальный фрагменты, правда, попали позже в статью о «позиционной политропии» у Лосева. Но основная и бóльшая ее часть не была обнародована. Она содержит не только основные идеи всех вышеперечисленных «именных» статей, но и описание дискурсивных стратегий Вяч. Иванова и Андрея Белого, не вошедшее ни в одну из прижизненных публикаций. В своем первозданном и целостном виде этот текст представ-

ляет огромный интерес, давая исчерпывающее представление о ключевой идее монографии, которая, как мы пытались показать, могла бы стать вторым полукнижием magnum opus Людмилы Гоготишвили. Остается поставить точку, перефразируя Вячеслава Иванова: книга *зачалась и быть могла, но стать не возмогла.* Тем не менее именно она определила магистральную линию в позднем творчестве ее автора.

В публикуемом тексте примечания авторские. Мы позволили себе добавить ссылки на источники и отдельные комментарии, отмеченные звездочкой.

Л.А. Гоготишвили

**К типологии дискурсивных стратегий:
парадигма нелинейных многослойных «поликонцепций»**

Проблематика *текстопорождающих принципов* или *дискурсивных стратегий* составляет, как уже говорилось в предисловии, сердцевину феноменологии говорения, фактически представляющей собой общую теорию именно текстопорождения (или порождения речи). Вопрос стоит по существу: помимо номенклатурно изолированного рассмотрения разных предложенных в философии и филологии текстопорождающих принципов, необходимо искать критерии для их типологической классификации, что, как понятно, поднимает теоретический градус концептуального подхода к проблеме в целом. Ниже изложена гипотеза одной из возможных типологических парадигм, проявившейся в наиболее эксплицитном виде в русской символической философии, но не только, поскольку символизм — инвариантная составляющая истории европейской культуры.

При всем многообразии теоретических и индивидуальных различий в концепциях, имеющих прямую или опосредованную связь с символизмом, наличны и существенные как типологические, так и конкретно-содержательные сходства. В намечаемую общую парадигму входят Вяч. Иванов (как во многом ключевая фигура), А. Белый, П. Флоренский, А. Лосев, С.Н. Булгаков, Г. Шпет, М. Бахтин, А. Мейер, О. Мандельштам, О. Фрейденберг, С. Эйзенштейн и др. Фиксация и анализ типологических сходств выявляет перекличку концепций этого ряда не только с западноевропейскими течениями того времени, но и с определенными версиями философии языка середины и конца XX века, вскрывая их потенциальную значимость для современной ситуации.

Прежде всего следует отметить, что все эти концепции формировались как реакция на острый (не исчерпанный по сей день) кризис языкового сознания, вызвавший недоверие к прямым интенциям языка и к его способности адекватного выражения. Большинству из них был свойствен при этом «оптимизм»: признание факта языкового кризиса вело не к поиску его эволюционного преодоления, а к повышению изощренности языкового зрения — с тем, чтобы разглядеть и отрефлектировать уже имеющиеся в культуре «косвенные» (не прямо интенциональные и не линейно-сюжет-

ные) стратегии выстраивания дискурса, способные снять возникшее критическое напряжение. «Консерватизм» сплетен в русском символизме с «модернизмом»: во всех этих концепциях, стремящихся вычленить антикризисные дискурсивные стратегии из налично данного в культуре и нарастить их силу, утверждалась сохранность за языком традиционно признававшейся способности к адеквации предмету, однако само понятие адеквации и способы ее достижения подверглись при этом, в силу шлифовки филологической оптики, существенным «модернистским» изменениям. Среди других общих тенденций можно назвать следующие: понимание референта речи как принципиально неизоморфного высказыванию; идея нелинейности, многослойности и многореферентности дискурса; акцентирование несемантизированных и несемантизуемых в принципе смыслов; внутреннее усложнение категории «имени»; повышенное внимание к точкам говорения вообще и точке говорения предмета в частности; расщепление Я говорящего и др.

Выдвигаемые разными авторами на авансцену дискурсивные стратегии содержат различные комбинации из приведенных и других общих черт. Различия в этих комбинациях и могут послужить искомым критерием для типологии этих концепций. Возможно также, хотя и в некоторой степени условно, терминологически единообразно зафиксировать эти комбинаторные особенности каждой концепции на некой общей типологической шкале. Идея проста. У всех этих концепций был некий общий «противник» — дискурсивный принцип, от которого все эти концепции отказывались (как от одной из причин языкового кризиса) и который можно обозначить вслед за Флоренским как *линейный «полисиллогизм»*[9]. Тогда различающиеся авторские стратегии, входящие в выстраиваемую парадигму, можно объединить как равно декларирующие *нелинейную многослойную полиформию*. Понятие поли*формии* здесь — намеренно общее и недифференцированное —

9 «...непосредственное мышление оперирует не с понятиями, а с живыми, сочными, полными красок и запахов óбразами. Эти образы не бывают резко обособлены от со-прилежащих. Края их часто расплывчаты, как и в самой действительности. По многим направлениям они срастаются с соприкосновенными образами, сплетая единое, многократно связанное **целое** — ткань сущего, а не нить, поэму, а **не полисиллогизм**. Вот почему, при всей внутренней ясности первобытной философии, ее почти невозможно уложить на прокрустовом ложе наших — бедных содержанием, сухих, атомистически обособленных — п о н я т и й» [21, с. 161] (выделено разрядкой Флоренским, жирным — Гоготишвили. — *С.Ф.*).

с тем, чтобы со- и противопоставить авторские стратегии за счет того, какая новая вторая категория, раскрывающая и уточняющая понятие «формы», может специфически характеризовать их, будучи поставлена вместо «силлогизма» после сохраняемого «поли-».

Самоэксплицирующийся пример, говорящий в пользу возможности выстраивания такого типологического ряда, — бахтинская *полифония* (этим термином ранее пользовались и другие авторы — Вяч. Иванов, П. Флоренский и др., но в других смыслах). Прежде чем говорить о полифонии Бахтина и формообразующих принципах других авторов, обратимся к концепции ключевой фигуры — Вяч. Иванова.

Идеи Вяч. Иванова развивались по нескольким направлениям при подразумеваемом единстве пути. С точки зрения того, из чего складывается, по Иванову, *форма* нелинейных многослойных дискурсов, можно говорить, по всей видимости, о двух антикризисных стратегиях или, точнее, об одной, рассеченной на два вектора или два этажа — связанных, но не тождественных. Оба этажа — символические, но в одном случае Иванов разрабатывает горизонтальный срез, в другом вертикальный (в мыслимом пределе вертикаль и горизонталь взаимоналагаются). Первая стратегия связана с теорией Иванова о мифологическом высказывании как синтетическом суждении (мотив антисиллогизма), в котором символ-подлежащее динамизируется глаголом (синтетическое суждение — то, в котором «*подлежащее — понятие-символ, а сказуемое — глагол*»). Тонкость в том, что синтетически привлеченный к символу глагол в мифологическом высказывании понимался Ивановым как «родом» из того же символа, хотя это родство на внешней аналитически-языковой форме суждения не ощутимо. Иванов обосновывал динамический вид (модус) того же символа, который ставится в позиции субъекта, только в данном случае этот символ созерцается «как движение и двигатель, как действие и действенная сила" [20, т. 2, с. 594–595][10]*. Иванов фиксирует здесь ряд идей, значимых для всех связанных с символизмом поликонцепций: различие и вместе с тем внутренняя связанность статического и динамического, расщепление референта и соответствующее расщепление сознания. В совокупности это вело к тезису об *отрыве внеш-*

10 * На лингвистической (предикативной) интерпретации определения мифа у Иванова построена статья «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)». В настоящей публикации дается феноменологическая трактовка.

них форм языка от предметности: сам символ «находится» вне языка и может созерцаться в своих разных модусах (статическом, динамическом и — совмещенном; внеязыковом, языковом и тоже — совмещенном) и в разных языковых модальностях сознания (описательной, изображающей, возвышающей, снижающей и пр.), получая при этом в языке (при нисхождении) разные формы выражения, включая никак аналитически не связанные именования. Разные модусы — расщепленные формы самоданности символа (предмета), разные модальности — расщепленные формы воспринимающего сознания. Поскольку модальность сознания мыслилась при этом вторично зависимой от модусов символа, образованный Ивановым на основе этих идей дискурсивный принцип можно назвать *символической полимодусностью*. В его основе — внешне взаимодиффузное линейно-вертикальное *совмещение* разных модусов и модальностей в одной языковой форме. Поскольку один и тот же символ (предмет) может созерцаться в разных модусах и выражаться — в качестве так полимодусно созерцаемого — в *разных* языковых формах, адеквацию высказывания следует искать в формах совмещения этих модусов и модальностей в одном языковом целом. Между собой разные модусы и модальности соотносятся по типу предикативного смыслового скрещения[11].

Если акцентировать ивановскую идею о *синтетическом* совмещении разных модусов предмета в одной фразе в качестве обобщенной дискурсивной стратегии, применявшейся в поэтическом творчестве Иванова, то ее можно назвать *символической полиантиномией*. Для созерцающего сознания модусы символа (предмета) могут представать — в предельно чистом случае должны представать — как прямо противоположные, антиномические (упрощенно: жизнь и смерть — разные модусы одного символа). Чтобы выйти к адеквации, антонимы и антиномии должны складываться

11 Среди предполагавшихся, по всей вероятности, эффектов — событизация символизируемого. Событийность — одно из главных направлений, по которому шло развитие идеи динамизации и расщепления референта (были и внесобытийные направления — Шпет). Следует, однако, иметь в виду, что концепт «событие» в русской культуре начала века не равен его обычному пониманию (в частности, как одного из звеньев в развертывающемся сюжете или истории). Событие мыслилось как сила оцельнения смысла и высказывания; в этом плане разветвленная сюжетная интрига в целом представляет собой одно событие. Вместе с тем толкования события существенно разнились (Потебня, Иванов, Лосев, Бахтин, Мандельштам и др.), так что воздержусь от обобщений — эта тема требует отдельного исследования.

в речи во взаимопредицирующие синтаксические формы. Идея усложнялась тем, что любое именование символа понималось как не единственное, а принципиально множественное, и наоборот: одно и то же именование может быть, по Иванову, отнесено к разным символам (змея — символ и памяти, и раскаяния). Отчеканивая тем самым идею непрямой связи символа и языка, Иванов максимально наращивает пары и векторы антиномического противостояния семантических форм, относимых к одному символизируемому предмету. В своей поэзии Иванов наслаивал на единый дискурсивный стержень различные пары (гроздья) антонимов, делая это и чисто семантически, и в усложненных синтаксических конфигурациях. Совмещение в одной фразе разных модусов трансформировалось в наложение и чередование. Символизируемое («предмет») расщеплялось, динамизировалось, получало многослойность и многомерность, его прямое именование, соответственно, «расшатывалось», уступая референцирующую силу крупным дискурсивным фрагментам. Адеквация выражения мыслилась достижимой через формы различных конфигураций антонимов.

Идея налагающегося совмещения разных смысловых и предметных векторов станет инвариантом для всех связанных с символизмом концепций, получая разные конкретные наполнения. Так, в полифонии Бахтина — как особом типе дискурса — совмещаются и налагаются, как известно, голоса; в разработанном Шпетом принципе эта же исходно символическая дискурсивная особенность была экстраполирована на языковую стратегию в целом (Шпет утверждал необходимость в целях адеквации последовательно — «алгоритмически» — выражать предмет во всех возможных семантических, грамматических и синтаксических формах); у Лосева схожая идея обосновывалась в принципе политропии и т. д.

В акцентируемой Бахтиным полифонии нелинейная многослойная *форма* мыслилась сложенной из «голосов». Бахтин, как известно, видел выход из языкового кризиса в разработанном Достоевским новом дискурсивно-прозаическом принципе, предполагающем наложение (resp., одновременное звучание), как минимум, двух разных голосов в одном высказывании, создающее разно- или однонаправленный многослойный смысл, включая его несемантизованные формы. Бахтин — постсимволист. В его концепции нет символа как такового, есть символические стратегии. Понятие предмета речи, которым у Иванова был символ, модифицируется у

Бахтина в чужую речь: она становится в интенциональный фокус говорящего. Однако в пределе Бахтин тоже понимал предмет как событие, т. е. как результирующий эффект речевого взаимодействия нескольких голосов (аналогично результирующему взаимодействию разных антиномических пар у Иванова). В философском плане бахтинское событие — это встреча сознаний, единственно способная породить истинное бытие как событие.

К формальным особенностям полифонии относится то, что голоса поочередно «предицируют» здесь друг друга, взаимно сменяя позиции субъекта и предиката (трансформация ивановской антиномической идеи)[12*], проходя в идеале полный круг (идея «круга» также, как увидим, относится к инвариантам символически ориентированных концепций). Авторский голос может при этом тематически замолкать, участвуя в конкретной фразе лишь подразумеваемой оценочной тональностью — в таких случаях одна фраза становится «трехголосой». Многослойное наложение, поочередная — как минимум, одним полным кругом — смена в предицируемой позиции всех участвующих голосов при тематической вненаходимости автора обеспечивают, по Бахтину, адекватное выражение предмета как события взаимодействия сознаний (или — событие бытия, встреча двух и более равноправных голосов на общем тематическом фоне). В процессе диалогических взаимоотношений с разными голосами каждый голос, оборачиваясь в разные стороны, предстает расщепленным и незавершенным сознанием. Здесь *нет ни единого предмета речи, ни единого всеобъемлющего сознания, ни единства сознаний разных голосов, есть — единство события текста*.

От подробного изложения идей А. Белого уклонюсь: его идеи весьма динамичны и одновременно концептуально «закручены», что затрудняет возможность их обобщения в статичных формулировках. Ограничусь контрастным сопоставлением с Бахтиным: с этой точки зрения одну из антикризисных дискурсивных стратегий Белого можно назвать *ритмическим полиавторством*. Имеется в виду, что эта форма дискурса представляет собой комбинацию тех позиций, на которые *расщепляется* авторское сознание (Бахтиным отправляемое в «ссылку» вненаходимости). Рас-

12 *Предикативная концепция двуголосия и полифонии у Бахтина развивалась, как уже говорилось, в статье «Двуголосие в его соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версия интерпретации идей М.М. Бахтина» [14, с. 139–219].

щепление мыслилось Белым по всем возможным осям и векторам: горизонтально-временным (прошлое, настоящее и будущее Я), синхронным (Я в отношении к А, к В, С и т. д.), вертикально-«метафизическим» (Я в отношении к чувственно воспринимаемой действительности или к сфере «высших смыслов»), имманентным (интенциональное расщепление внутреннего Я в отношении к воспоминаниям, фантазмам, желаниям и т. д.). Такой дискурс также принципиально не линеен и многослоен, выходя за рамки прямой семантики. Оцельняющей все эти расщепленные смыслы силой является *ритм* (принято говорить о лирической ритмизованной прозе Белого). Белый придает ритму своего рода онтологический статус — это одна из квалификаций, которая связывает высказывание с предметностью. Предмет также понимался Белым динамизированным, и во главу угла ставилась та или иная ритмичность этой динамизации. Адекватность высказывания — в угаданной и адекватно переданной ритмичности предмета. Видимо, под влиянием именно Белого ритм также входит (в разных вариациях) в число инвариантов прозаических дискурсивных стратегий, предлагаемых в околосимволических концепциях (в частности, у Флоренского).

Принимая, часто лишь декларативно, многие идеи Иванова, Белый занимает по ряду вопросов иные, иногда противоположные, позиции. В частности, Белый теснее связывает предмет и язык, практически «разорванные» Ивановым. Не случайно Белый придавал и бóльшую онтологическую значимость имени, хотя символическую речь рассматривал как прежде всего метафорическую (resp., не именующую прямо). Это связано и с ритмом: ритм предмета угадывается прежде всего в чувственно ощутимом *языковом* ритме, который, по Белому, может первенствовать при создании высказывания, образуя звуковые динамические образы, из которых уже «затем» прорастают смысловые и семантические сгустки. Здесь Белый близок формалистам в их преимущественном внимании к плоти языка (в том числе к разного рода статистическим подсчетам звуков и пр.). За всем этим стояла долгая философская предыстория, включая теософию (эвфонию и др.). Тем не менее и в последних работах Белый, уже заявивший о смысловом разводе с Ивановым, причислял себя все же к символизму.

Интересно проследить смысловой параллелизм влияний. Белого выделял Шпет, Иванова — Бахтин. Соответственные отношения связывают шпетовскую и бахтинскую концепции. Бахтин занимает на исследуемом ряде

«поли»-концепций его акцентированно эгологический полюс, на его втором, неэгологическом, полюсе — теория Шпета[13]*. Идея ритма проросла в идею алгоритма как внутренней логической формы речи. Шпетовскую дискурсивную стратегию, разрабатывавшуюся в связи с этой идеей, можно назвать *семантико-синтаксическим полиролизмом.* Вкратце суть этой стратегии в том, что в целях выхода к адеквации Шпет предлагал метод проведения интендируемой смысловой предметности по всем возможным семантическим ролям и синтаксическим позициям. В простых перцептивных суждениях (типа *Это — мой дом, Вот — Казбек* и пр.) «воспринимаемая вещь, — говорит Шпет, — занимает место субъекта (заменяемого лишь местоимением «это»), и никогда не может быть предикатом» [22, с. 95]. В высказываниях же более высокого порядка приданное вещи имя может занимать и место предиката, и другие позиции. Имя предмета необходимо, по Шпету, отрывать от позиции грамматического субъекта и последовательно опробовать на всех возможных в каждом данном случае, несубъектных синтаксических позициях и в семантических ролях (предиката, определения, обстоятельства, инструмента, мотивировки, цели и т. д.). Предмет в процессе этих семантико-синтаксических перемещений и модификаций всегда остается у Шпета *подразумеваемым интенциональным объектом*, но, постоянно меняя свой семантически-номинированный облик и синтаксический статус, может уходить — как минимум, на время — во внутренние несемантизуемые и неосознаваемые смыслы. Таким алгоритмически последовательным проведением смысловой предметности по всем возможным (или по кругу основных) семантическим и синтаксическим формам можно получить объемное и адекватное ее понимание (причем отрицательный результат, напр., невозможность облачения предметности в какую-либо из этих форм, тоже, по Шпету, содержателен: факт этой невозможности тоже нечто «говорит» о предмете).

Шпетовский полиролизм нелинеен, многослоен, размыкающ по отношению к статусу имени предмета, но неэгологичен. Если Бахтин активизировал и наслаивал «голоса» (субъектные точки говорения, «перспекты»), то Шпет стремился погасить всегда односторонние точки говорения, предлагая считать, что планомерные и всеохватные языковые перемещения

13 * Излагаются идеи статьи «Ожидаемые расхождения и неожиданные сходства в толковании “подразумеваемых смыслов” (Шпет и Бахтин)», которая вошла в неизданную монографию в качестве главки 4.

предмета по семантическим ролям и синтаксическим позициям обеспечивают высказыванию *внеперспективность* (свободу от точек зрения) как единственно реальную форму адеквации предмету. По последнему параметру Шпет ближе к Флоренскому, к его обратной перспективе, оцениваемой как более высокая степень адекватной передачи предмета. Здесь нет возможности подробно рассматривать этот и другие аспекты дискурсивной стратегии, предложенной Флоренским (подробно стратегия Флоренского, как и стратегия Шпета, анализируются в другом месте)[14]*, здесь ограничусь лишь фиксацией ее возможного входящего в выстраиваемый ряд названия — *смысловая полициклия*. Имеется в виду отсылка к постулату Флоренского о «круглом мышлении», предполагающем не один полный сугубо языковой круг вокруг предмета (как, при некотором упрощении, у Шпета), а постоянное круговое смысловое движение в ритме, соответствующем пульсации самой предметности и, одновременно, имманентному сознанию ритму вопросов и ответов (точка соприкосновения с Бахтиным).

Такова общая канва типологически общих нелинейных и многослойных поликонцепций. Некоторые из них еще будут в расширенном контексте рассматриваться ниже. Здесь же в заключение отмечу еще одну общую типологическую особенность всех символических (и околосимволических) концепций: они развивались в принципиальном дистанцировании от сенсомоторных и психологических матриц, которые рассматриваются сегодня как значимые силы порождения и понимания высказывания (единственное исключение — Флоренский, но, как будет показано в дальнейшем, и в его концепции «за спиной» психофизиологических пространств намечена идея доминирующего над ними «языка языков»). Те деконструирующие и дефокализирующие интеллектуальные приемы, которые позволили выявить множащиеся и расходящиеся референты, сюжеты, симулякры, точки говорения и т. п., получили широкое распространение во второй половине века в связи с развитием феноменологии телесности, психоанализа, социологии и, возможно, под влиянием происходившего прямо на глазах форсированного развития все более изощренной кинематографической техники. Лосевская[15]*

14 * Имеются в виду статьи из состава «Феноменологии говорения» (главки 9 и 11).

15 * Лосевская поликонцепция «позиционной политропии» не рассматривается подробно в публикуемой работе, поскольку ей посвящена отдельная статья, вошедшая в неизданную книгу в качестве главки 10. Впоследствии эти два текста частично объединились.

и другие поликонцепции фактически выявляли аналогичные процессы порождения / восприятия речи до и вне влияния этих новых течений: высказываемые в них идеи извлекались — благодаря целенаправленно шлифуемой филологической оптике — исключительно из наблюдений над работой сознания в его сложных взаимоотношениях с языком. Малая восприимчивость филологии второй половины века к символическим концепциям описанного тут типа связана, возможно, не только с их метафизичностью, но и с отсутствием в них отчетливых аллюзий к психоанализу, феноменологии телесности и кинематографии. Последние, как сегодня уже очевидно, действительно значимы для понимания взаимоотношений сознания и языка. Тем не менее идеи символизма, вглядывавшегося только в сознание и его языковые формы и приемы, сохраняют особую, «девственную» ценность — за счет свободы от возможных специфических примесей психоаналитической, телесной или кинематографической природы и в силу наполненности такими собственно языковыми тонкостями сознания, которые отсутствуют в психоанализе или феноменологии телесности и не транспонируемы в кино (хотя приемы кино могут проецироваться в символические тексты).

Список литературы

Исследования

1 *Гравин А.А.* Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготишвили // Соловьевские исследования. 2022. Вып. 4 (76). С. 133–147. DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.133-137

2 *Гравин А.А.* «Я» говорящего в коммуникативной концепции символа Людмилы Гоготишвили // Сад расходящихся троп: Флоренский, Розанов, Дурылин et cetera. М.: РГГУ, 2022. С. 48–50.

3 *Федотова С.В.* Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273

4 *Федотова С.В.* Символизм Вячеслава Иванова в контексте полемики Л. Гоготишвили с Ю. Степановым // Europa orientalis. 2022. № 41. С. 3–21.

5 *Фридман И.Н.* От подразумевания к дискурсу адеквации // *Гоготишвили Л.А.* Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства / сост., автор вступ. ст. и примеч. И.Н. Фридман; отв. ред. С.В. Федотова; ред. С.О. Савчук. М.: ИД ЯСК, 2021. С. 11–32.

Источники

6 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1997–2010.

7 *Гоготишвили Л.А.* Бахтинская философия языка и проблема ценностного релятивизма // Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 142–175.

8 *Гоготишвили Л.А.* Варианты и инварианты М.М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 115–134.

9 *Гоготишвили Л.А.* Коммуникативная версия исихазма // *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 878–893.

10 *Гоготишвили Л.А.* Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства / сост., автор вступ. ст. и примеч. И.Н. Фридман; отв. ред. С.В. Федотова. М.: ИД ЯСК, 2021. 616 с.

11 *Гоготишвили Л.А.* Лингвистический аспект трех версий имяславия // *Лосев А.Ф.* Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетейя, 1997. С. 580–614.

12 *Гоготишвили Л.А.* Лосевская концепция предикативности // *Лосев А.Ф.* Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 684–701.

13 *Гоготишвили Л.А.* Лосевская теория авторства // Начала. 1994. № 2–4. С. 151–183.

14 *Гоготишвили Л.А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 632 с.

15 *Гоготишвили Л.А.* Платонизм в Зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 922–942.

16 *Гоготишвили Л.А.* Религиозно-философский статус языка // *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 906–923.

17 *Гоготишвили Л.А.* Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянских культур; Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.

18 *Гоготишвили Л.А.* Хронотопический аспект смысла высказывания // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1985. С. 150–171.

19 *Гоготишвили Л.А.* Является ли предложение единицей системы языка? // Общее и сопоставительное языкознание: сб. науч. тр. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. С. 9–17.

20 *Иванов В.И.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.

21 *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П.А.* Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. 623 с.

22 *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: КомКнига, 2006. 216 с.

23 *Gogotishvili L.A.* A.F. Losev's Radical Lingua-Philosophical Project // Studies in East European Thought. 2004. Vol. 56, № 2–3. P. 119–142.

References

1 Gravin, A.A. "Simvolizm Viacheslava Ivanova i Andreia Belogo v svete predikativnoi kontseptsii Liudmily Gogotishvili" ["Symbolism of Vyacheslav Ivanov and Andrey Bely in the Context of Lyudmila Gogotishvili's Predicative Concept"]. *Solov'evskie issledovaniia*, vol. 4 (76), 2022, pp. 133–147. DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.133-137 (In Russ.)

2 Gravin, A.A. "'Ia' govoriashchego v kommunikativnoi kontseptsii simvola Liudmily Gogotishvili" ["'I' of the Speaker in Lyudmila Gogotishvili's Communicative Concept of the Symbol"]. *Sad rashodiashhihsia trop: Florenskii, Rozanov, Durylin et cetera* [*Garden of Forking Paths: Florensky, Rozanov, Durylin, et cetera*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2022, pp. 48–50. (In Russ.)

3 Fedotova, S.V. "Lingvofilosofskie novatsii russkogo simvolizma v interpretatsii L.A. Gogotishvili (Viach. Ivanov i A.F. Losev)" ["Linguo-Philosophical Novations of Russian Symbolism in the Interpretation of L.A. Gogotishvili (Vyach. Ivanov and A.F. Losev)"]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 2, 2019, pp. 252–273. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273 (In Russ.)

4 Fedotova, S.V. "Simvolizm Viacheslava Ivanova v kontekste polemiki L. Gogotishvili s Iu. Stepanovym" ["Symbolism of Vyacheslav Ivanov in the Context of Lyudmila Gogotishvili's Polemic with Yu. Stepanov"]. *Europa Orientalis,* no. 41, 2022, pp. 3–21. (In Russ.)

5 Fridman, I.N. "Ot podrazumevaniia k diskursu adekvatsii" ["From Implication to the Discourse of Adequacy"]. Gogotishvili, L.A. *Lestnitsa Iakova: arhitektonika lingvofilosofskogo prostranstva* [*Jacob's Ladder: Architectonics of Linguo-Philosophical Space*], comp., introd. article and notes by I.N. Fridman, ex. ed. S.V. Fedotova, ed. S.O. Savchuk. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tyry Publ., 2021, pp. 11–32. (In Russ.)